

П-32

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи
УДК 934:930.221

ПИМЕНОВ Алексей Владимирович

ОСНОВНЫЕ ТЕКСТЫ ДРЕВНЕЙ ПУРВА-МИМАНСЫ
(ФОРМИРОВАНИЕ, СТРУКТУРА,
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ)

Специальность - 07.00.09
Историография и источниковедение

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 1988

Работа выполнена в Секторе идеологии и культуры Отдела древнего Востока Института востоковедения АН СССР

Научный руководитель: кандидат исторических наук

Шохин В.К.

Научный консультант: член-корреспондент АН СССР

Бонгард-Левин Г.М.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук

Алаев Л.Б.

кандидат филологических наук

Серебряный С.Д.

Ведущее научное учреждение - МГУ (кафедра истории Древнего мира)

Автореферат разослан " 20 " ноября 1989

Защита состоится " 22 " декабря 1989 г. в

11 ч. на заседании Специализированного совета Д.003.01.01

по историческим наукам Института востоковедения АН СССР (Москва, Центр, ул. ЕдANOва, 12).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института востоковедения АН СССР

Ученый секретарь

Специализированного совета

к.и.н.

И.С.Ключков

© ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР, 1988

Одной из важнейших задач современного востоковедения является всестороннее изучение древней культуры народов Востока. Культурное наследие древней Индии давно стало предметом внимания как ученых, так и представителей общественности и политических кругов - и в самой Индии, и за ее пределами. Традиции, восходящие к далекому прошлому, продолжают, как известно, и в наши дни оказывать влияние на многие стороны жизни индийского общества. Хорошо известен и тот факт, что многочисленные явления классической индийской культуры, особенно религиозно-философские течения зачастую получают сегодня самые различные, порой противоположные интерпретации, зависящие в большой степени от современной идейной борьбы. В этой связи особую актуальность приобретает задача исследования письменных памятников религиозно-философских традиций древности и средневековья. Такое исследование, проведенное при учете достижений отечественного востоковедения, на основе принципов теоретического источниковедения и марксистско-ленинской методологии, дает возможность реконструировать процесс формирования текстов, зафиксировавших ту или иную религиозно-философскую традицию.

Предметом настоящей диссертации является текстологическое исследование истории пурва-мимансы - одного из наиболее древних и влиятельных направлений индийской мысли, истоки которого следует искать в отдаленных эпохах истории индийской цивилизации. Длительный процесс становления мимансы как самостоятельной школы завершается систематизацией ее доктрины в гуптскую эпоху IV-V вв. н.э.). Расцвет школы приходится на VII-VIII вв. н.э. Традиция мимансы продолжает существовать в Индии вновь до новейшего времени. В диссертации рассматривается древний период истории мимансы (II в. до н.э. - V в. н.э.).

Актуальность изучения памятников мимансы определяется важной и весьма своеобразной ролью, которую эта система на протяжении

многих столетий играла в традиционном индийском обществе и ее воздействием на самые разные аспекты древней и средневековой индийской культуры. В первую очередь необходимо отметить значение мимансы как явления истории индийской философии. В рамках этой системы возник целый ряд интереснейших концепций, ставших предметом оживленной философской полемики. Особо следует выделить эпистемологическую теорию – учение об источниках истинного знания (праманах) и оригинальную лингвофилософскую концепцию.

Несомненно огромное воздействие мимансы на религиозную жизнь древней и средневековой Индии, ее значительная роль в формировании идеологии индуизма. Особенно велико ее значение в области осмысления и систематизации брахманистской ритуальной практики, в области ведийской экзегетики, а также борьбы с различными неортодоксальными религиозно-философскими направлениями. Так, например, миманса сыграла немаловажную роль в процессе вытеснения из Индии буддизма. Идеи мимансы оказали также существенное влияние на традиционное индуистское право.

Изучение памятников мимансы имеет, таким образом, большое значение для правильного понимания характерных черт и процесса развития древнеиндийской культуры. С одной стороны, без анализа этой системы невозможно адекватное и полное воссоздание философской ситуации в древней и раннесредневековой Индии. Для многих работ по истории индийской философии и культуры характерен своеобразный "монизм" в понимании культурного наследия, заключающийся в интерпретации многогранного и противоречивого процесса развития духовной культуры как "развертывания" одной лишь ведантистской традиции. С другой стороны, исследование мимансы необходимо для понимания многих аспектов индуистской идеологии, особенно "практических", бытовых сторон индуизма.

Источниковедческий анализ доктрины мимансы способствует преодолению тенденциозности и односторонности в подходе к индийскому историко-культурному наследию. Объективное воссоздание концептуального содержания мимансы, процесса формирования и развития школы возможно лишь на базе достижений современного источниковедения, включающего, наряду с изучением данных, содержащихся в древнеиндийских письменных памятниках, их текстологический анализ, позволяющий выявить их хронологические и жанровые характеристики, характер их функционирования в системе древнеиндийской культуры.

Эти принципы заложены в трудах основоположников отечественной индологии (И.П. Минаев, Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург) и творчески развиваются советскими индологами. Особое значение для глубокого и всестороннего исследования памятников древнеиндийской культуры имеет последовательный историзм.

Конкретные задачи настоящей диссертации обусловлены ее источниковедческо-историографическим характером. Они состоят в: 1) выявлении результатов, достигнутых в этой области индологии, и основных представлений о мимансе, оценок этой системы в индологической литературе, причем основное внимание уделяется изучению ранней мимансы, представленной двумя текстами – Мимансасутрами" Джаймини и древнейшими (из сохранившихся) и авторитетнейшим комментарием на них – "Мимансасутрабхашей" Шабары (Шабарасвамин); 2) анализе процесса формирования доктрины мимансы, прежде всего учения о праменах и выявлении его основных этапов; 3) раскрытии факторов, обусловивших становление эпистемологии мимансы и изменение ее первоначальной проблематики.

Научная новизна диссертации определяется в первую очередь самой ее темой, так как миманса, по сравнению с другими индийскими религиозно-философскими направлениями редко становилась предметом научного изучения. В еще большей степени это относится к памятникам древней мимансы, почти не исследованным ни в текстологическом, ни в историко-культурном отношении. Впервые предпринимается попытка историографического обзора литературы о мимансе, анализируются наиболее характерные и устойчивые интерпретации ее доктрины. В диссертации рассматриваются два важнейших источника по истории мимансы – "Мимансасутры" и "Мимансасутрабхашья". Характеризуется проблематика этих текстов. Предметом анализа в диссертации становится также материал о доктрине древней мимансы, содержащийся в "Праманасамуччае". Дигнаги, которые впервые используются не только для воссоздания содержания учения мимансы на определенном этапе его развития, но и для выяснения самого статуса мимансы в древнеиндийской культуре. Таким образом, уделяется внимание проблеме, ранее почти не обсуждавшейся в индологической литературе. Приводятся данные также некоторых других "внешних" источников, характеризующие различные трактовки места и роли мимансы среди других явлений древней и средневековой индийской культуры ("Кавьямиманса" Раджашекхары, "Сарвадаршанасанграха", "Артхашастра", "Шаддаршанасамуччайя, Харибхадры, "Прастханабхеда" Мал-

хусуданы Сарасвати).

В диссертации подробно рассматривается вопрос о предмете и задачах мимансы. Делается попытка проследить процесс формирования эпистемологии в рамках этой системы – учения об источниках истинного знания (праманас). Впервые формирование концепции праман, как она зафиксирована в "Мимансасутрабхашье", анализируется во взаимосвязи с эволюцией других аспектов проблематики мимансы, в частности, учением об атмане. Предметом специального обсуждения становится значение для становления теории познания и доктрины в целом внешнего фактора, как борьба мимансиков против буддизма. Впервые демонстрируется значение антибуддийской полемики не только для систематизации концептуального содержания системы, но и для изменения ее проблематики, подхода мимансиков к теме праман. Это позволяет по-новому поставить проблему соотношения в доктрине мимансы экзегетико-ритуалистического и философского элементов, выявить причины обращения адептов мимансы к философской, в частности, эпистемологической проблематике.

В текстологическом плане это дает возможность иначе, чем это делалось ранее поставить проблему соотношения и взаимосвязи двух пластов текста "Мимансасутрабхашьи" – собственно бхашьи и интерполяции "вритти".

Впервые предпринимается попытка установить взаимосвязь и взаимобусловленность процессов формирования философского учения мимансы и трансформации ее из вспомогательной "науки о ритуале" в самостоятельную даршану, что дает возможность глубже, чем до сих пор, выявить роль мимансы в развитии духовной культуры Индии и проследить воздействие этой школы на различные ее аспекты.

Практическая значимость диссертации определяется основными результатами проводимого в ней исследования.

(1) Прежде всего, рассмотрение эволюции одной из древнеиндийских религиозно-философских традиций дает интересный материал для сопоставления со сходными процессами в других системах классической индийской философии, кроме того, с типологически сходными традициями других регионов, прежде всего, античного мира.

(2) Материал диссертации представляет интерес для историков философии, специалистов по истории религии, общей текстологии и может быть использован при чтении учебных курсов. Выводы, сделанные в диссертации, представляют интерес при изучении влияния древних культурных традиций на современное индийское общество.

Апробация основных положений работы осуществлена в докладе, представленном Второй Всесоюзной школе молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.) и в выступлении с научным докладом по теме диссертации на Всесоюзной конференции по истории философии в ИФ АН СССР (сентябрь 1986 г.). Текст диссертации обсуждался и был утвержден к защите в отделе Древнего Востока ИВ АН СССР.

Публикации. Результаты выполненных исследований представлены в трех опубликованных и семи находящихся в печати работах.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, а также приложения. Объем работы без приложения (включающего список использованной литературы и перевод оригинальных текстов (на санскрите) составляет 168 страниц машинописного текста.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дается характеристика роли мимансы в культуре древней и средневековой Индии, указывается на необходимость источниковедческого изучения процесса ее исторического развития; обращается внимание на важность исследования памятников ранней мимансы. Кратко характеризуются основные положения доктрины мимансы. Указывается на недостаточную изученность школы, особенно древнего периода ее истории.

Первая глава "Миманса в индологической литературе" представляет собой историографический обзор, цель которого – общая характеристика результатов, достигнутых индологической наукой в изучении мимансы. В начале главы указывается на малоизученность этой системы по сравнению с другими направлениями индийской мысли. Обращается также внимание на разрозненность исследований мимансы, не составляющих особой отрасли индологии, подобной "буддологии", "вендантологии" или "санхьеведению". В связи с этим историографический очерк строится не по хронологическому, а по "жанровому" принципу. Первый параграф главы посвящен трактовкам и оценкам мимансы в общих работах по истории индийской философии. Отмечается стереотипность изложения ее доктрины, характерная для значительной части такого рода работ (Ф.Макс-Мюллер, С.Дасгупта, С.Радхакришнан и др.). Причина этой стереотипности в значительной степени состоит в том, что авторы общих работ обычно основывались на произведениях и средневековых мимансиков (главным образом, Кумари-

лы Бхатти и его школы) и составляли без внимания специфику ранней мимансы. Таким образом, миманса изображалась как система, с самого момента своего возникновения обладавшая чертами, характеризующими средневековый период ее истории.

Предметом рассмотрения становятся также различные оценки философского содержания мимансы. Выделяются три основные точки зрения: 1) миманса не является философской системой в точном смысле слова в силу своей ярко выраженной религиозно-практической, ритуалистической направленности; 2) миманса — философская система, но неоригинальная и эклектическая (Дж.Туччи, С.Раджакришнан); 3) миманса претерпела длительную эволюцию, которую можно разделить на два этапа; на первом она представляла собой лишь учение о ритуале, на втором же, в условиях полемики с другими школами, мимансаки обращаются к решению философских, в первую очередь, теоретико-познавательных, проблем, и миманса становится самостоятельной даршаной (Э.Фрауваальнер).

Уделяется внимание еще одному вопросу, по которому в индологической литературе высказываются разные мнения, — вопросу об "атеизме" мимансы. Характеризуются воззрения различных авторов на эту проблему — трактовка религиозного содержания мимансы как "своеобразной теодицеи" (Ф.Макс-Мюллер), политеизма (С.Раджакришнан), учения, выходящего к примитивной практической магии (Б.Хайман), и, наконец, радикальная концепция атеизма мимансы, с которой выступает Д.Чаттопадхья (связывающий ее атеистическую направленность с магическими корнями учения мимансы, причем магия понимается как оппозиция религиозному сознанию, в духе Дж.Фрезера).

Второй параграф посвящен специальным работам — статьям и монографиям — о доктрине мимансы. В нем рассматриваются статьи западных (И.Беллентайн, Г.Якоби, К.Раджа) и индийских (Н.Шастри, П.Шастри, Т.Дикшитар и др.) авторов, в которых анализируются различные аспекты учения мимансы — концепция ведийских богов, ритуальных действий, философии языка, эпистемологии, взаимоотношения мимансы с другими системами. Предметом рассмотрения становятся также монографии, освещающие доктрину мимансы в целом (А.В.Кит, П.Шастри, П.Кане, Девастхали, Г.Джха). Наиболее подробно разбирается работа А.В.Кита. Отмечаются основные особенности воссоздания учения школы и ее истории, характерные для большей части работ: детальное изложение позиции мимансаков по основным темам, обсуж-

даемым в текстах мимансы: учение о праманах, философия языка, онтологические и натурфилософские концепции, учение о ритуале, а также воздействие идей школы на формирование норм индуистского права. Доктрина мимансы предстает обычно как система, концептуальное содержание которой на протяжении столетий не претерпело существенных изменений. Таким образом вопросы о процессе формирования учения мимансы и о специфике древней мимансы по сравнению со средневековой даже не ставятся. Когда при изложении истории школы заходит речь о содержании памятников ранней мимансы, они рассматриваются почти исключительно через призму произведений средневековых мимансаков, особенно Кумарилы Бхатты. Это отчасти можно объяснить большей изученностью школы Кумарилы по сравнению с другими направлениями в мимансе. Подтверждением этого тезиса служит краткий обзор литературы о Кумариле и его последователях. Известны работы индийских и западных исследователей об основных аспектах мировоззрения Кумарилы. Кроме того, следует отметить ряд исследований японских ученых, посвященных его концепции праман (pramanavada). Необходимо упомянуть и такое направление исследований творчества Кумарилы, как реконструкция его несохранившихся произведений (в частности, "Брихаттиги"). Памятники школы Прабхакары изучены в значительно меньшей степени. Такое "распределение тем" в работах о мимансе приводит к тому, что школа Кумарилы выступает как своего рода "образец" подлинной мимансы.

Отмечается, что миманса практически не представлена в отечественной индологической и историко-философской литературе. Единственной работой на русском языке, специально посвященной мимансе, является статья Ф.И.Щербатского "О категорическом императиве у Брахманов" (о школе Прабхакары). Можно упомянуть также краткие характеристики школы в некоторых отечественных общих трудах по истории философии, а также в справочных изданиях; но и здесь ее учение излагается преимущественно на основе представлений о средневековой мимансе.

Итак, если мимансу в целом можно считать малоизученным направлением индийской мысли, то памятники древней мимансы вообще почти не привлекали внимания исследователей. Работы, посвященные им, крайне немногочисленны.

Их содержание подробно разбирается в третьем параграфе. Среди них необходимо отметить статью О.Штрауса о теории познания ранней мимансы. В ней идет речь о соотношении в "Мимансасутраб-

хашье" содержания собственно бхашьи и интерполяции "вритти", содержащей изложение теоретико-познавательной концепции, развитой впоследствии средневековыми мимансаками, в первую очередь Кумарилой. По мнению О.Штрауса, Кумарила ошибся, приняв рассуждения вриттикарина, цитируемые Шабарасвамином, за изложение позиции мимансы. В действительности, как он полагает, вриттикарин был "еретиком", чьи взгляды находились в противоречии с ортодоксальной доктриной. Основной пафос статьи Штрауса – отрицание какой-либо взаимосвязи между эпистемологическими рассуждениями вриттикарина и ритуалистической проблематикой мимансы.

Работа Штрауса, несомненно, имеет важное значение как постановка проблемы соотношения религиозно-практического и философского аспектов мимансы, а в текстологическом плане – определения границ "вритти" в "Мимансасутрабхашье". Однако концепция Штрауса, на наш взгляд, несостоятельна. Не случайно другие авторы, изучавшие бхашью Шабары, иначе интерпретировали ее содержание. Особое значение для изучения ранней мимансы (о школы и в целом) имеют работы австрийского индолога Э.Фрауваильнера и его ученика Ф.Цангенберга.

Предметом детального рассмотрения становятся две работы Фрауваильнера – статья об интерполяции в "Мимансасутрах" – "Мимансасутры I, I, 6–23" и книга "Материалы к реконструкции учения ранней мимансы о познании".

В статье австрийский исследователь анализирует генезис концепции вечного звука (varnasphota) представленной в сутрах Джаймини и в комментарии Шабары (речь идет о наиболее ранней фиксации). Сопоставляя фрагмент, посвященный этой теме, с другими разделами "Мимансасутры", Фрауваильнер приходит к выводу о его вторичности по отношению к основной части сутр. Стремясь выяснить корни этой концепции в мимансе, он прослеживает связи школы с другими направлениями индийской мысли и констатирует влияние на мимансу школы грамматистов и вайшешики. Значение основного вывода статьи выходит за рамки, ее конкретной темы: Фрауваильнер демонстрирует эволюцию мимансы от "учения о ритуале" к философской системе, успешно конкурирующей с другими. Уже в этой небольшой по объему статье ярко проявляется историзм, выгодно отличающий работы Э.Фрауваильнера от преобладающей части работ о мимансе. Преимущества такого подхода проявились и в его исследовании теории познания ранней мимансы. Эта работа, представляющая собой,

в сущности, издание фрагмента "Мимансасутрабхашьи" (комментарий на сутры I, I, I–5) с переводом и детальным комментарием – анализом, посвящена фундаментальной для исследования комментаторской традиции школы теме – вкладу "вриттикарина" в создание учения о праманах. В отличие от О.Штрауса, Фрауваильнер стремится проследить генезис эпистемологических воззрений "вриттикарина", особенно его реалистической концепции восприятия (пратьякша) и учения об авторитетном словесном сообщении, являющимся единственным источником знания о дхарме и базирующимся на вечной связи слова (шabda) с обозначаемым им предметом (артха). Важной заслугой Э.Фрауваильнера является введение им в научный оборот фрагментов тибетской версии "Праманасамуччайи" известного философа-буддиста Дигнаги, содержащий полемику с мимансой по вопросу о праманах. Фрауваильнер реконструирует, сравнивая критикуемые Дигнагой тезисы с концепцией "вриттикарина" в "Мимансасутрабхашье", целый этап в развитии эпистемологии мимансы, от которого не сохранилось никаких текстов. Комментатора, которым полемизирует Дигнага, австрийский исследователь идентифицирует с Вжадасой и датирует первой половиной V в. н.э. Анализируя интерполяцию "вритти", Фрауваильнер особо отмечает отличие образа оппонента-пурвапакшина у вриттикарина от аналогичного образа в собственно бхашье. Если у Шабары оппонент – это условный персонаж, не представлявший никакого конкретного враждебного мимансе направления, то оппонент "вриттикарина" – буддист. Именно в контексте антибуддийской полемики формулируются важнейшие теоретико-познавательные принципы мимансы. Существенным шагом вперед в воссоздании проблематики и логики построения "вритти" является отнесение Фрауваильнером к интерполяции фрагмента, посвященного доказательству существования атмана в полемике с буддийской доктриной анатмавады.

Итак, Э.Фрауваильнер не только первым рассмотрел раннюю мимансу в ее историческом развитии, но и указал на важнейшие факторы этого развития, прежде всего на полемику с буддийскими школами.

Вызывает возражения лишь резкое противопоставление "вриттикарина" Шабарасваминому, но не в духе О.Штрауса как "еретика" – ортодоксу, но как "чистого философа" – ритуалисту. Эта общая концепция заставляет Фрауваильнера истолковать фрагмент "вритти", посвященные пратьякше лишь с чисто эпистемологической точки зрения, игнорируя его психологическое содержание и тематическую

В седьмом параграфе "Праманасамуччайя", как источник по истории ранней мимансы" речь идет о вальнейшем "внешнем" источнике, в котором зафиксированы воззрения мимансаков, относящиеся к периоду (первая половина V в. н.э.), от которого не сохранилось текстов, принадлежавших к традиции школы. Дается краткая текстологическая характеристика "Праманасамуччайя", приводятся данные о ксилографах, запечатлевших тибетскую версию текста. Материал источника о комментаторе-мимансаке, являющимся объектом критики Дигнаги, сопоставляется с некоторыми свидетельствами позднейших мимансаков. Рассматриваются основания его идентификации с Бхавадасой.

В восьмом параграфе "Традиция мимансы. Вопрос о статусе мимансы в индийской культуре" делается попытка интерпретации места мимансы в системе классической индийской культуры. Отмечается неоднозначность трактовки мимансы во "внешних" источниках: в одних случаях она рассматривается как даршана ("Праманасамуччайя", "Сарвадаршанасанграха", "Шаддаршанасамуччайя"), в других – как "наука" (анга) о ритуале (Брахманы, Упанишад, "Кавьямиманса", "Прастханабхеда" и др.). С одной стороны, ставится вопрос о предмете и задачах мимансы как "науки" (анга), с другой – каковы условия ее трансформации в философское направление. При этом указывается, что если в первом случае она мирно уживается с другими сходными дисциплинами (ангами), то во втором – вызывает нередко острую критику и становится предметом дискуссий. Обращается внимание на то обстоятельство, что, будучи эзегетико-ритуалистической дисциплиной, миманса не совпадает ни с этимологией (нирукта), ни с ритуалистикой (кальпа). Материал "Мимансасутрабхашьи" позволяет предположить, что задачей мимансы была систематизация речений шрути (упадеша) и их классификация с этической точки зрения (отличение благих предписаний (дхарма) от дурных (адхарма), призывающих, например, к вредоносным жертвоприношениям; обоснование совершения лишь благих (дхармика) поступков и запрет дурных на основе толкования шрути, где излагается содержание и тех, и других обрядов.

Как философское направление миманса неизменно трактуется в тех, в частности, источниках, где речь идет об ее эпистемологии. Поэтому существует, по-видимому, корреляция между изменением ее статуса и процессом формирования учения о праманах.

Третья глава "От "Мимансасутры" до "Мимансасутрабхашьи. Форми-

рование эпистемологической доктрины мимансы" посвящена становлению учения о праманах в бхашье.

В первом параграфе "Тема праман в "Мимансасутрабхашье" проводится сравнение концепции праман в комментарии, с тем, что имеет отношение к проблеме праман в сутрах Джаймини (I, I, I-5). В сутрах в качестве праманы фигурирует лишь шабда, которой противостоит пратьяхка, по всем своим характеристикам являющаяся ее антиподом. Иначе говоря, в сутрах прамана – это источник знания о дхарме. В комментарии говорится и о таких праманах, как логический вывод (анумана), сравнение (упамана), постулирование (артхапатти) и отрицание (абхава). Восприятие же (пратьяхка) не только считается праманой, но и рассматривается как основа для остальных (кроме шабды) формулируется реалистическая концепция восприятия как достоверного в своей основе. Ошибка в восприятии рассматривается как преходящее явление, как случай, когда индрии (органы чувств) ослаблены или предмет восприятия слишком удален от человека. Прамана понимается как источник истинного знания вообще.

Тема второго параграфа "Генезис учения о восприятии в "Мимансасутрабхашье" – постановка вопроса о тематических и концептуальных различиях между сутрами и комментарием в связи с проблемой праман. Отмечается радикальная новизна прежде всего концепции пратьяхки по сравнению с "Мимансасутрами" и "невыводимость" ее из содержания сутр.

В третьем параграфе "Праманасамуччайя" о концепции праман в мимансе" анализируется материал содержащейся в этом произведении полемики с мимансой по вопросам о праманах.

Реконструируется промежуточный между "Мимансасутрами" и "Мимансасутрабхашьей" этап развития эпистемологии мимансы. Констатируется важное новшество в истории комментаторской традиции – трактовка сутры I, I, 4, указывающей, что пратьяхка не может служить источником знания о дхарме, как позитивного определения чувственного восприятия. Интерпретация термина "пратьяхки" неоднозначна и противоречива. Это уже не антипод праманы, но еще не прамана. Бхавадаса утверждает, что в сутрах не упомянуты анумана, упамана, артахпатти и абхава, что они являются производными от восприятия (пратьяхки). Материал "Праманасамуччайи" свидетельствует и о важности полемики с мимансой для представителей буддизма. Разбирая сутру о восприятии и интерпретации ее Бхавадасой, Дигнага останавливается на выражении "пुरुшасья" – "человеческих" (речь идет об

ние "внешнего" фактора антибуддийской полемики, выходящей к фундаментальному с религиозно-практической точки зрения спору об отмене как субъекте дхармы для изменения проблематики мимансы, формирование в ее рамках учения о праманах (в том числе переосмысления первоначального понятия прамана) и превращения ее в философскую школу. Изучение взаимосвязи процессов становления эпистемологии мимансы и эволюции ее статуса на разных этапах ее развития даст, на взгляд диссертанта, возможность более глубоко, чем раньше проследить влияние этой системы на многие аспекты жизни индийского общества в различные исторические периоды.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах автора:

1. Из истории эпистемологии ранней пурва-мимансы. Джаймини и Шабарасвамин об источниках знания (праманах) сб. Вторая Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тбилиси, октябрь 1982. Тезисы, т. 2. М., 1982. 0,2 п.л.
2. "Философия мимансы и древнеиндийская культура". "Народы Азии и Африки", 1987, № 4, 0,9 п.л.
3. "Из истории полемики мимансы с буддийскими школами. (Влияние антибуддийской полемики на формирование эпистемологии ранней мимансы.). - В печати. Изд. "Наука", 1 п.л.
4. "К проблеме формирования учения о праманах в ранней мимансе". В печати. Сб. "Рационалистическая традиция и современность: Индия", 2 п.л.
5. "К вопросу о соотношении философского и религиозно-практического аспектов мимансы". - В печати. History of Indian Philosophy. - Soviet Studies. Indian Council of Philosophical Studies. 0,2 п.л.
6. "Кумарила Бхатта". - В печати (Философская энциклопедия). 0,2 п.л.
7. Формирование философского учения мимансы в полемике с буддизмом. - Тезисы Всесоюзной буддологической конференции (Москва, ноябрь 1987 г.). 0,96 п.л.

8. G.M. Verpoorten. Mīmāṃsā Literature. Wiesbaden, 1987 (рецензия). - "Народы Азии и Африки", 1989, № 2 (в печати).

Подписано к печати 05.12.88
Объем 1,0 п.л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Зак. 358

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар 21
3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28